

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В99

Разработка серии *С. Власова*

Вяземский, Юрий.
В99 **Бесов нос. Волки Одина : [роман] / Юрий Вяземский.** —
Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.
ISBN 978-5-04-101990-7

Однажды в начале лета на рыболовную базу, расположенную на Ладоге, приехали трое мужчин. Попали они сюда, казалось, случайно, но вероятно, по определенному умыслу Провидения. Один — профессор истории, средних лет; второй — телеведущий, звезда эфиров, за тридцать; третий — пожилой, очень образованный человек, непонятной профессии. Мужчины не только ловят рыбу, а еще и активно беседуют, обсуждая то, что происходит в их жизни, в их стране. И еще они переживают различные и малопонятные события. То одному снится странный сон — волчица с волчонком; то на дороге постоянно встречаются умершие животные... Кроме того, они ходят смотреть на петроглифы — поднимаются в гору и изучают рисунок на скале, оставленный там древними скандинавами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101990-7

© Вяземский Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

«Палыч! Мне все время кажется, что сейчас из-за какого-нибудь мыса выплывет драккар викингов!»

С сыном Сережей во время рыбалки на озере

Глава первая

Прибыли

Первым на рыболовную базу «Ладога-клуб» прибыл высокий широкоплечий человек средних лет.

За спиной у него был давно вышедший из моды рюкзак, который в прежние времена называли абалаковским.

Лицо широкоплечего украшали ухоженная борода а ля Джузеппе Верди и почти такие же усы, которые можно видеть на портретах знаменитого итальянского композитора. И борода, и усы были благородного сочного черного цвета, но в середине бороды имелась неширокая проседь, а усы смотрелись чернее бороды и даже немного отдавали в синеву. Такая же чисто-белая проседь виднелась у прибывшего на голове среди густых и чуть вьющихся темных волос. Она располагалась почти точно над проседью в бороде, как будто он эти пряди себе выкрасил, хотя при пристальном рассмотрении видно было, что седина — от природы и естественная. Чертами лица мужчина также походил на итальянского композитора и, пожалуй, еще больше на русского писателя Ивана Тургенева. Однако глаза у него были не светло-карие, как у Верди, и не темно-серые, как у Тургенева, а какого-то редкого, сочного, кофейного, почти шоколадного цвета.

Прибывший принялся сначала разглядывать ворота, а потом шарить по ним рукой, судя по всему, разыскивая кнопку звонка или какое-то другое устройство, с помощью которого можно было бы заявить о своем прибытии и желании проникнуть за

ограду. Но ничего подобно не обнаружив, он сердитым рывком скинул со своей мощной спины рюкзак, чуть отошел в сторону, и тут же невесть откуда раздавшийся, какой-то хрипло-металлический голос велел:

— Представьтесь, пожалуйста.

Лицо широкоплечего стало обиженным, и четко выговаривая каждое слово, слегка картавя, прибывший ответил:

— Я, знаете ли, не приучен представляться непонятно кому! Это хотя бы рыболовная база?

— А вы господин Си... щас... Синявин вы? — спросил тот же металлический голос.

— Извольте сначала ответить на мой вопрос! А потом будем разбираться, я Си или не Си! — сердито ответил широкоплечий.

— Щас к вам выйду, — пообещал голос.

— Черт знает что! — громко произнес широкоплечий и снова надел рюкзак.

Почти тут же одна из створок ворот приоткрылась и из-за нее вышел странного вида человек: небольшого росточка, коротконогий, коренастый, в рыболовном комбинезоне. Лицо у него было смуглым, а нос и рот у него будто украли: рот был маленьким и почти безгубым, а маленький нос сплюснен и словно размазан, как иногда бывает у боксеров самых легких весовых категорий.

Глядя на этого коротышку, широкоплечий еще сильнее обиделся лицом и строго спросил:

— Неужели нельзя было сделать нормальный вход, человеческий звонок?!

— Позвольте, приму у вас рюкзак, — предложил безносый.

— Пришел человек, и как ему сообщить, что он пришел? Это у вас явно не продумано, — продолжал пришедший.

— Не вопрос, — ответил безгубый. — Так и было вначале. Но местные стали безобразить. Не только пацаны, но и взрослые. Тогда хозяин установил хитрое оборудование. Как только подходишь, мы видим и открываем... Вас разве не предупредили?

— Никто меня ни о чем... — начал было широкоплечий, но, не договорив, с досадой махнул рукой и объявил: — Во-первых, здравствуйте. — Лицо его вдруг перестало быть обиженным. —

Во-вторых, не Си, а Се. То есть не Синявин, а Сенявин — вторая буква «е», с вашего позволения. — Тут лицо Сенявина снова приобрело недовольное выражение. — В-третьих, не *господин* Сенявин, а *профессор* Сенявин. — Лицо профессора стало теперь непроницаемым. — А вы можете обращаться ко мне «Андрей Владимирович».

— Не вопрос, — поспешил согласиться смуглолицый.

На этот повторный «не вопрос» Профессор поморщился и спросил:

— А вас как прикажете величать?

— Петрович.

— Не пойдет, — покачал головой Профессор, не теряя непроницаемости лица. — Я, мил человек, не привык называть людей только по отчеству. Чай, не у Гоголя в «Шинели».

Андрей Владимирович пристально глянул в лицо коротконогую, но не смог определить, понял ли тот, при чем тут Гоголь с его «Шинелью». Зато обнаружил, что глаза у Петровича неожиданно зеленые. И не просто непривычно зеленые, а с еще более непривычно белыми белками, как у рыбы.

— Ну, так имя у вас имеется?

— Оно у меня, это самое, карельское. Вернее, финское, — сообщил зеленоглазый. — Поэтому и предлагаю: Петрович. Меня так все называют. Для простоты, так сказать. — Он попытался улыбнуться безгубым ртом, но из-за его небольших размеров получилась лишь полуулыбка.

— И все-таки, будьте любезны, как вас по имени?

— Пусть будет Толя. Меня так тоже иногда зовут.

— Тогда действительно «не вопрос», Анатолий... Анатолий Петрович. Тогда будем считать, что друг другу представились, — усмехнулся Профессор и, не отдавая рюкзака, первым шагнул в ворота.

За воротами метрах в пятидесяти от входа располагалось длинное одноэтажное строение, похожее на ангар или на конюшню. Стены его были темно-дощатыми, крыша — вроде соломенная, но из какой-то странной соломы. Со стороны входа ни одного окна в этом строении не было.

Петрович провел Профессора к ближайшему торцу здания и отворил дверь, больше похожую на ворота. Они сначала оказались в какой-то мастерской со множеством разнообразных плотницких, столярных, токарных, слесарных и прочих инструментов и приспособлений, а затем вступили в просторный, метров в двести, а то и в триста, зал. Вместо потолка — продольные и поперечные балки и стропила, уходящие под самую крышу. Вместо стен — полированные срубные бревна, по которым были во множестве развешены спиннинги и удилища всевозможных видов, а также гарпуны, багры, подсаки, садки всех мастей и прочая рыболовная утварь. В центре зала в открытом очаге игриво потрескивали и ароматно дымили березовые поленья. С двух сторон от очага стояли длинные дощатые столы, а за ними — деревянные лавки, на которых лежали вышитые круглые подушки.

— Вот тут будем жить, — сообщил Петрович.

— Не понял! — объявил Профессор. Лицо его нахмурилось еще до того, как они вошли в дом.

— Летом наши гости обычно здесь проживают. А весной и осенью — в других помещениях. Здесь они только столуются.

— Не понял, — повторил Профессор. — Вы мне на этих лавках прикажете спать?

— Зачем на лавках? — удивился Петрович. — Выбирайте любой, так сказать, из альковов.

— Каких еще *альковов*?!

— Хозяин нас так приучил, и мы их так называем, наши спальни.

На левой стене, противоположной той, которая выходила на ворота и на озеро, Петрович отдернул одну из темных занавесей. За занавесью открылась комната, небольшая, но с просторной кроватью и светлым евроокном, глядящим во двор.

Профессор вошел в «альков», подошел к кровати, приподнял светло-синее расшитое покрывало и обнаружил под ним тканое одеяло и дорогое постельное белье.

За окном на разном удалении виднелись многочисленные крытые дерном хозяйственные строения, среди которых особенно выделялись сеновал и мельница.

— А мельница вам зачем? — глядя в окно, поинтересовался Профессор.

— Она только с виду мельница, а внутри, так сказать, — коттедж для гостей, — пояснил Петрович. — У нас, это самое, каждый коттедж имеет свою форму: мельница, амбар, пекарня, рига, сеновал и так дальше. Как-то так.

— А мне их нельзя осмотреть?

— Не-а, — быстро ответил Петрович и шмыгнул отсутствующим носом.

— Почему, собственно, *не-а*?

— Там вчера и сегодня крыли лаком полы.

— Во всех без исключения?

— Во всех, — вздохнул Петрович и сморщил лицо.

Профессор вновь обратился к кровати, опять приподнял расшитое покрывало и спросил, не глядя на Петровича:

— А где у вас... в этом вашем... — Он замолчал, подыскивая, судя по его обиженному лицу, резкое и тоже обидное слово. Но Петрович пришел ему на помощь:

— Не вопрос. Туалеты и душевые в дальнем торце.

— Я, честно говоря, не понимаю... — начал Сенявин.

— И на территории базы у нас имеются, значит, две бани: одна типа русская и одна сауна, — перебил его Петрович.

— Я, честно говоря, не понимаю, — продолжил свою мысль Андрей Владимирович, — зачем вместо нормального помещения, в котором можно, не натываясь на других людей, привести себя в порядок и отдохнуть после рыбалки, понадобилось строить это... этот сарай!

— Хозяин решил, что будет душевно, — возразил Петрович.

— *Душевно*?!

— Хозяин часто рыбачит в Норвегии. А там во многих местах построили, так сказать, длинные дома. В них викинги как бы жили. Вот он и решил, когда впервые скатал в Норвегию...

— Погодите, мил человек! — Профессор с высоты своего роста презрительно глянул на коротышку-карела. — Я, между прочим, историк и весьма неплохо знаком с историей средневековой Скандинавии. Вы эти байки о викингах и их домах прибе-

регите для каких-нибудь других ваших посетителей. Во-первых, настоящие викинги очень редко жили в тех домах, которые сейчас показывают в Норвегии. Они жили на своих кораблях и где попало, когда им изредка приходилось сходить на берег. Во-вторых, лонгхаузы, то есть длинные дома, были устроены совсем не так, как ваше... архитектурное чудище...

Тут одна бровь Профессора поползла вверх, захватив с собой одну из поперечных складок на переносице.

— Кстати, профессор Годин еще не приехал? — вдруг спросил Сенявин.

— Какой такой Годин?

— Не *какой-такой*, а *профессор* Годин, Николай Иванович, — повторил Андрей Владимирович, подчеркивая слово «профессор».

— Не знаю, о ком вы, — покачал головой Петрович и попытался улыбнуться своим маленьким ртом.

— Тот самый профессор Годин, который часто гостит на вашей базе, который пригласил меня сюда порыбачить вместе с ним и который забронировал для меня место, — судя по тому, что вам стала известна моя фамилия.

— Ах Годин! Тот самый! Иваныч! — радостно воскликнул Петрович и тем же тоном сообщил: — Не-а, не приехал. И не придет! Он вчера позвонил и сказал, что из-за каких-то печалей он, типа, никак не может.

— *Печалей?* — удивленно переспросил Профессор, но бровь у него опустилась и складка на переносице вернулась на свое место.

— Ну не склалось у него что-то, — пояснил Петрович.

— *Не склалось?* — уже растерянно повторил Профессор, но тут же с раздражением объявил:

— Сейчас позвоню ему и проверю.

Сенявин не успел еще достать из кармана мобильный телефон, как Петрович воскликнул, опять-таки радостно:

— Связи-то нету! Бесполезно!

Глянув на экран телефона, Профессор убедился, что карел его не обманывает, и, оставив рюкзак в комнате, вышел в зал

и направился к выходу из дома. А Петрович крикнул ему вдогонку:

— Нигде нету связи! С утра нету! Молния, говорят, шибанула.

Андрей Владимирович все-таки вышел из длинного дома. Но убедившись в том, что надпись «нет доступа к сети» не исчезла с экрана, вернулся обратно.

Для размещения Профессор выбрал самый дальний от входа «альков». Он находился ближе к душевым и туалетам, а также, помимо занавеси, имел выдвижную дверь, отделявшую спальню от зала.

Однако, едва Сенявин начал развешивать и раскладывать свои вещи, где-то поблизости загудело вентиляционное устройство. Так что Профессор решил оставить это шумное обиталище и перебраться в соседнее, где, хоть и не имелось выдвижной двери, но гула от вентиляции не было слышно.

Переселившись и полностью расположившись, Сенявин отправился осмотреться и разыскать Петровича, дабы задать ему несколько возникших у него бытовых вопросов.

Когда же он вышел из длинного дома, на парковке возле ворот уже стоял и светился яркими и резкими огнями черный Lexus LX 570 последней модели.

Стройный молодой человек в голубых джинсах и кожаной куртке выгружал из багажника поклажу: два пластиковых чемодана, оба с выдвижной ручкой и на четырех колесиках, один большой и другой средних размеров, три вместительных ящика, в которых рыболовы хранят блесны и воблеры, а также три тубуса для спиннингов. Приезжий вручал свой багаж Петровичу, а тот проворно и услужливо относил его к входу в длинный дом и ставил почти у ног Профессора, который, остановившись у порога, рассматривал не столько нового прибывшего, сколько его шикарную машину.

Когда Петрович стал заносить вещи внутрь дома, молодой человек аккуратно закрыл багажник, запер машину и легкой стремительной походкой двинулся к дому.

Проходя мимо Профессора, он приветствовал его тем коротким кивком, каким кивают хорошо знакомым и недавно уже встреченным людям, и так быстро прошел мимо Сенявина, что тому не только не успелось должным образом ответить на этот кивок, но и разглядеть приезжего не удалось. Однако показалось Андрею Владимировичу, что он этого молодого человека как будто уже видел и, похоже, видел неоднократно.

Пожав плечами и огладив бороду, Сенявин направился было к ближайшему «амбару», но сделав несколько шагов, развернулся и приблизился к «Лексусу».

Профессор обошел автомобиль, разглядывая его никак не завистливо, а скорее презрительно. Затем снова двинулся к коттеджу-«амбару» и уже миновал вход в длинный дом, но резко сменил направление, вернулся и вошел в лонгхаус.

Еще в «мастерской»-прихожей Сенявин услышал голос молодого человека, который говорил:

«Мы позавчера, нет, в пятницу, с ним общались по телефону и договорились, что я сегодня приеду».

Ему отвечал голос Петровича:

«Не вопрос. Олег Виталич мне о вас говорил. Но вчера ему срочно пришлось уехать».

«Как уехать? Мы ведь договорились. И не только с ним», — настаивал молодой человек.

«Как-то так выходит. Так сказать, не случилось».

«Что значит «не случилось»? Они с губернатором два года уговаривали меня приехать сюда. Я наконец-то выкроил время».

«Вот я и говорю: не склалось, — скороговоркой твердил Петрович. — Ему, то есть Олегу Виталичу, это самое, позвонили и говорят, что у них имеет место заседание в Архангельске. Они, то есть хозяин и наш управляющий, вчера туда укатали, а всех драйверов, кроме меня, отпустили отдохнуть. Потому что как только сошел лед и несколько недель с того у нас была тьма гостей и работа по ним. А на этой неделе только два человека записаны. И еще один отказался. Но вместо него вчера другой выплыл. Но точно еще не известно, приедет или не приедет».

— А вот и второй ваш напарник, — объявил карел, когда Сенявин вошел в зал.

Молодой человек стоял спиной к двери и на замечание Петровича даже не обернулся.

— А губернатор? — спросил он.

— Какой губернатор?

— Ваш, областной. Он как бы давно мечтал со мной порыбачить.

Петрович задумчиво погладил пальцем то место, где у обычных людей бывает нос, и радостно объявил:

— Его теперь сняли!

— Сняли? Угрюмина?! Когда?!

— Вчера, говорят. Или на прошлой неделе. Но однозначно — сняли.

— Засада! — воскликнул молодой человек

А Петрович принялся его успокаивать:

— Вы только, это самое, не волнуйтесь. Олег Виталич велел мне выполнять все ваши желания. Все у нас будет, как доктор прописал. Так скажем.

— Тебя как зовут? — переходя на ты, но ласковым тоном спросил второй приезжий.

— Петрович.

— Ты кто здесь?

— Я драйвер. Но теперь я один на базе. Так что буду, типа того, за разных.

Молодой человек повернулся в сторону Профессора.

Сенявин уже имел возможность разглядеть его со спины, постепенно убеждаясь в том, что одет бойкий молодой человек вроде бы просто, но крайне дорого. Одни его кроссовки стоили не меньше всей месячной зарплаты профессора. Похожие кроссовки Андрей Владимирович недавно видел в витрине на Невском проспекте и обратил внимание на их цену.

Теперь же, когда владелец кроссовок повернулся к нему лицом, Профессор окончательно составил для себя его портрет: высокий, стройный, спортивного вида человек лет тридцати пяти с золотистыми волосами, зачесанными в обе стороны от

широкого пробора; причем, с правой стороны волосы были короче и не закрывали уха, а с левой — прикрывали и ухо, и щеку, но не падали на глаза, как это теперь модно. Глаза серые, лучистые, и когда он улыбался, такой же лучистой становилась улыбка.

Как только Сенявину удалось разглядеть лицо своего визави и сопоставить его с голосом приехавшего, уже не одна, а две брови Андрея Владимировича поползли вверх от удивления.

Тут молодой человек наконец заметил Профессора, одарил его лучезарной улыбкой и сказал:

— Добрый вечер.

Профессор от удивления не нашелся с ответом.

— Ради бога, извините меня, — продолжал приезжий, придавая улыбке виноватый оттенок. — Наш драйвер совершенно вынес мне мозги своими сообщениями, и я не успел с вами поздороваться. Еще раз: добрый вечер. И еще раз приношу свои извинения.

— Добрый вечер, — выдавил из себя Сенявин и зачем-то несколько раз кивнул головой.

— Позвольте вам представиться — Александр Труль, — произнес молодой человек, и виноватый оттенок исчез из его улыбки.

Профессор же, успев совладать с удивлением, укоризненным тоном заметил:

— Вам нет нужды представляться. Разве найдется в России человек, который бы вас не знал?

Молодой человек мгновенно отреагировал на это заявление, сделав свою улыбку одновременно смущенной и лукавой:

— Представьте себе, меня иногда путают.

— С кем?! — словно испугался Профессор.

— Чаще всего с Арвидом Таммом.

— Но вы совершенно другой! И ваша передача другая! — возмущенно воскликнул Сенявин.

— Спасибо вам за «совершенно другого»! — поблагодарил молодой человек и, глядя в лицо Профессору, прямо-таки окутал Сенявина своим ласковым взглядом.

— Никогда бы не мог предположить, что вы... что вы тоже рыбак, — в некотором замешательстве проговорил Андрей Владимирович.

— Я не рыбак — я рыболов, — поправил его молодой человек.

— А в чем, простите, разница?

— Разница в том, что рыбак — это профессия, а рыболов — увлечение. Рыбак ловит для еды и для денег, а рыболов — для развлечения и для отдыха.

Опять помолчали. Тут только Сенявин сообразил, что еще не представился, и стал исправлять оплошность, заявляя себя профессором и с особой четкостью выговаривая вторую букву в своей фамилии: «е», «Сенявин», при ударении, однако, на букве «я». Руки Труллю Андрей Владимирович не подал, ибо и тот, когда представлялся Профессору, руки не протянул.

Труль, одарив Профессора благодарной улыбкой, тут же повернулся к нему спиной и удалился в один из «альковов»; он занял комнату ближайшую к душевым и туалетам — ту, из которой переместился Сенявин.

Лицо Андрея Владимировича вновь приобрело обиженное выражение, и с этим обиженным лицом он принялся прогуливаться взад и вперед вдоль скамеек у очага.

Когда же из занятой теперь Труллем комнаты вышел Петрович (он помогал молодому человеку вносить и размещать багаж), Сенявин на него сердито и громко напустился:

— Что ж вы, дорогуша, не предупредили, что на вашей богом забытой базе должны объявиться такие знаменитости?!

— Какие знаменитости? — спросил Петрович и часто заморгал. Только сейчас Профессор заметил, что у корела почти не видно ресниц.

— Только не надо прикидываться! — еще сердитее воскликнул Андрей Владимирович.

— Я не прикидываюсь! Эн юмэрре... Я не понимаю, — ответил Петрович и перестал моргать.

— Вы что, не поняли, что человек, которому вы так услужливо помогаете, — как сейчас говорят, мега-звезда отечественного телевидения, Александр Труль собственной персоной?!

— Я... я вам тоже... готов помочь, — грустно ответил Петрович.

— Да я не об этом! — с досадой сразу двумя руками взмахнул Профессор. — Вы хотите сказать, что никогда не смотрели «Тру-ля-ля»? Была такая очень популярная юмористическая телепередача в нулевых годах. А сейчас он ведет «Как на духу» — ток-шоу, прайм-тайм, рейтинг, говорят, зашкаливает... И этой не видели?

— Я не смотрю телевизор. У меня его нет, — так же грустно ответил карел и хотел уйти. Но Сенявин остановил его властным окриком:

— Стойте! Куда вы?! Я не кончил с вами разговаривать!

— Виноват! — Петрович остановился и покорно повернулся к Андрею Владимировичу. А тот продолжал:

— Я слышал, как в разговоре с этим телеведущим, которого вы якобы не знаете и никогда не видели, вы назвали себя драйвером. А это что такое, позвольте полюбопытствовать?

— Это... моя работа. Так скажем.

— А по-русски нельзя?

— По-русски сложнее... Ну, типа: завтра я буду управлять лодкой и помогать вам ловить рыбу.

— То есть, если не обезьянничать и не засорять наш язык разной иностранщиной, вы — егерь?

— Можно и так сказать. Но будет неточно... И егерь ведь тоже нерусское слово.

— Русское. Давно уже русское, — строго возразил профессор. — И на других базах таких людей, как вы, представьте себе, называют именно егерями. А *драйвер* в переводе с английского означает «водитель, шофер». Вы разве шофер?

— Я здесь, если по-русски, и лодочник, и егерь, и шофер, если понадобится. Короче, драйвер.

— Дурацкое слово, — вздохнул Профессор.

— Я у вас и на кухне драйвер, — тоже вздохнул Петрович и попросил: — Вы меня не отпустите ужин готовить?

Андрей Владимирович глянул коротышке в лицо, и ему показалось теперь, что рот у Петровича вовсе не маленький и улыбается он им широко и свободно; и ресницы у карела густые и